

Образ Ивана Грозного в европейской пропаганде времен Ливонской войны (на примере поэтических произведений С. Вольфа и Я. Кохановского)

1. ВВЕДЕНИЕ

Ливонская война 1558–1583 годов, длившаяся без малого четверть века, стала, пожалуй, самым первым для нашего отечества столь масштабным противостоянием со странами Европы. Если ранее войны для Московского государства ограничивались столкновениями с соседями, то в ходе данного конфликта ему пришлось встретиться с целой коалицией, состоявшей из Речи Посполитой, Швеции и Дании в борьбе за выход к Балтийскому морю путем присоединения земель ослабевшего Ливонского ордена. Морские порты

Ливонии и проходившая через них интенсивная торговля между Западом и Востоком представляли собой главный, если можно так выразиться, «лакомый кусок» для окружавших ее стран, именно по этой причине задействовавших значительную часть своих ресурсов для достижения намеченных целей на данных землях. Затяжной конфликт в Прибалтике за столь долгое время протекал с переменным успехом. Россия, управляемая царем Иваном Грозным, достигла значительных успехов на первоначальном этапе и даже образовала на ставших ей подконтрольными территориях марионеточное Ливонское королевство. Однако приход к власти в Речи Посполитой короля Стефана Батория, шурина шведского короля Юхана III, позволил двум этим странам преодолеть прежние противоречия, объединиться и не только достигнуть вытеснения московских войск из Прибалтики, но создать угрозу для исконно русских северо-западных земель во время осады Пскова в 1581–1582 годах.

В целом Ливонская война, на полях которой Московское государство показало себя сильным и опасным для Европы противником, породила беспрецедентное до сей поры количество разного рода произведений, направленных против России и лично против царя Ивана Грозного. Соотнося актуальность данной проблемы с днем сегодняшним, можно сказать, что Ливонская война послужила триггером и для «информационной войны» XVI века, перевес в которой был на стороне западных стран. Особенно остро накал этой борьбы ощущался в Речи Посполитой в начале 1580-х годов, поскольку, с одной стороны, часть шляхты испытывала симпатию к Ивану Грозному и даже готова была голосовать за него на королевских выборах [Эйльбарт, 2020, с. 93–103; Флоря, 2020, с. 3–13], с другой же — польский король Стефан Баторий, соперничавший с московским государем на «вольной элекции», вероятно, считал последнего не просто политическим оппонентом, но и личным врагом. Поэтому неудивительно, что Баторий тратил на «очернение» Грозного в глазах Европы значительные средства, приглашая к своему двору известных поэтов из разных стран, щедро оплачивая их услуги не только деньгами, но и должностями. Против этой мощной «пропагандистской машины» хотя и длинные, но немногочисленные «кусательные» письма московского царя к польскому королю, которого он презрительно называл «соседом» вместо «брата» и говоря о котором приписывал источник власти выборного монарха не Богу, а «многотажному человеческому хотению», выглядят довольно слабо и бес-

помощно [Niedzielski, 1916, p. 40]. Грозный тем более не считал нужным заботиться об общественном мнении ни ливонского, ни польского дворянства, придерживаясь, по нашему убеждению, providенциальных взглядов в логике ведения войны.

Латинские поэтические тексты итальянских и немецких авторов играли ведущую роль в «антимосковской» пропаганде времен Ливонской войны (об одном таком авторе, немце Валентине Неотебеле, и его «Акростихе о великом князе московском» мы подробно писали ранее [Эйльбарт, 2021, с. 383–391]. Также с Баторием в этой связи сотрудничали итальянцы из Пизанского университета Антонио Бладо и Фламинио Нобили, в стихах прославлявшие подвиги короля Стефана и высмеивавшие Грозного. Обусловлено это, как нам кажется, двумя обстоятельствами: данный «продукт» был ориентирован, с одной стороны, на ливонское дворянство и призван запугать лояльную его часть жестокостями «московского фараона» и «северного Нерона», с другой — на всю католическую и протестантскую Европу, призывая ее к совместному походу против восточного деспота и тирана. На умы же польской шляхты король и поддерживающее его окружение предпочитали воздействовать через творчество известных и популярных в этой среде поэтов, среди которых стоит назвать прежде всего Я. Кохановского и С. Клоновича, которые, впрочем, немалую часть своих произведений писали на латинском языке, а значит, их читательскую аудиторию также можно отнести к общеевропейской.

2. МАТЕРИАЛ, МЕТОДЫ, ОБЗОР

Источниками для нашего исследования послужили поэтические произведения пропагандистского характера, вышедшие из-под пера поэтов С. Вольфа и Я. Кохановского (в качестве автора, повлиявшего на их творчество, мы также обозначаем С. Клоновича). Среди десятков имен призванных Баторием поэтов в данной небольшой статье мы проводим анализ работы малоизвестного уроженца Силезии Самуила Вольфа, автора объемной «элегической поэмы» «О походе его величества Стефана Первого, короля польского и великого князя литовского против Ивана Васильевича, великого князя Московского», увидевшей свет в 1582 году [Wolfio, 1582]. Вторым источником для исследования являются произведения польского поэта Я. Кохановского. Среди них можно назвать латиноязычную «Оду на взятие Полоцка» («Ode de expugnatione Polottei»), польскоязычные

«Песнь на взятие Полоцка» («Pieśń o wzięciu Połocka») и итинерарий «Путешествие в Москву» («Jezda do Moskwy» [Kochanowski, 1583]) (последний заслуживает отдельной научной статьи), в виде вспомогательного источника, повлиявшего на вышеназванных поэтов в мировоззренческом плане, мы упоминаем поэму С. Клоновича «Роксолания».

«Антимосковская» пропаганда времен Ливонской войны и исторические обстоятельства, способствовавшие ее появлению, рассматривалась в трудах как отечественных [Филюшкин, 2014; Флоря, 2020; Эйльбарт, 2020, 2021], так и польских авторов [Krzywy, 2013; Niedźwiedź, 2016; Niedzielski, 1916; Tygielski, 2007]. Кроме того, польские исследователи обращались как к филологическому анализу упомянутых нами произведений [Głombiowska, 2004], так и к биографиям С. Вольфа и Я. Кохановского [Kincel, 1975; Korolko, 1985; Kowalczyk, 1984; Tondel 1985].

При написании настоящей статьи мы придерживались принципов объективности и историзма, которые позволили нам рассмотреть поэтические произведения пропагандистского характера в качестве неизбежного «политического продукта» в условиях противостояния западной и восточной цивилизаций в борьбе за Ливонию.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

3.1. Самуил Вольф и его элегическая поэма

Дошедшие до нас биографические сведения о Самуиле Вольфе довольно скудны, однако они позволяют обозначить основные тенденции в карьере человека, посвятившего свое перо придворной поэзии [Kincel, 1975, pp. 18–20]. Он родился в силезском городе Хиршберг (ныне польский город Еленя Гура) в 1549 году в семье ректора местной евангелической гимназии Себастьяна Вольфа. с 1571 года в течение трех лет обучался на философском факультете Виттенбергского университета, а вернувшись на родину, занял место ректора вышеназванной гимназии после почившего отца. Будучи протестантом (кальвинистом) по вероисповеданию, он, вероятно, приобрел известность в среде протестантского дворянства Речи Посполитой своей поэзией религиозного содержания, а в 1580 году был приглашен туда, по одной версии, самим королем Стефаном Баторием, по другой же — могущественным покровителем польских протестантов, краковским воеводой Николаем Фирлеем.

По крайней мере, считается установленным, что короткое время Вольф пребывал при дворе Батория, исполнял обязанности его секретаря и даже удостоился своего рода «поэтической коронации» — титула «*Poeta laureatus*», то есть «увенчанного лаврами поэта». с 1581 по 1586 годы по предложению Николая Фирлея он является ректором кальвинистской гимназии в принадлежавшем семейству Фирлеев городке Любартуве Люблинского воеводства [Tworek, 1966, pp. 172–173], где, по всей видимости, и пишет вышеназванную «Элегическую поэму» во славу побед Батория. Современные польские исследователи истории словесности указывают, что в этот период Вольф тесно общается с проживавшим в Люблине известным поэтом эпохи ренессанса Себастьяном Клоновичем и последний даже посещает руководимую силезцем школу и дарит директору свои книги [Tondel, 1985, pp. 183–190]. Добавим, что написанная Клоновичем поэма «Роксолания», посвященная землям Червонной Руси, содержит немало метафор, которыми автор их описывал, многие из образов довольно предвзято рисуют «варварский» и «дикий» край [Klonowicz, 1996]. Например, пользуясь игрой слов, Клонович утверждал, что если прочитать наоборот слово Россия — «*Russia*», то получится «*Ursia*» — Страна медведей. с нашей стороны предположим, что в ходе переписки и при личных встречах С. Вольф испытал на себе влияние этих взглядов коллеги по перу, пронизав подобными же определениями свою «Элегическую поэму». Завершая изложение биографии поэта, отметим, что его заслуги на ниве литературы и преподавания дали желаемые плоды. В последние годы жизни он сделал еще один шаг в своей карьере: в 1586 году переехал в Эльблонг и занял престижную должность секретаря городского совета (известно также, что его супругой стала дочь местного купца Елизавета Борнеманн). Однако этот период в его жизни оказался недолгим — 24 июня 1591 года Вольф скончался в замке Гнев, расположенном недалеко от Эльблонга. Часть принадлежавших ему печатных и рукописных книг с начертанным на них латинским девизом «*Non est mortale quod optio*» («Смерти нет, пока есть желания») ныне хранятся в университетской библиотеке в Торуне и свидетельствуют об энергичности и жизненной активности хозяина.

Поэтическое произведение на латинском языке «*Stephani primi serenissimi Poloniae regis et Magni Lithuanorum ducis etc. aduersus Iohannem Basilidem, magnum Moschouiae ducem expeditio carmine elegiaco descripta*» («Элегическая поэма о походе его величества

Стефана Первого, короля польского и великого князя литовского против Ивана Васильевича, великого князя Московского»), изданное в 1582 году, скорее всего, было опубликовано при поддержке участника похода Батория на Псков, покровителя Вольфа Николая Фирлея. в целом это довольно объемное (58 страниц) по тем временам произведение, где с большими подробностями описан не только ход самой войны, но и ее предыстория. Уже с первых строк автор строит свое повествование на противостоянии добра (Запада — наследника благородного Рима) и зла (Востока — воплощения тирании и варварства). Лагерь Батория он называет «орлиным гнездом», «Орлом», а царские войска — «Драконом» (с. 2). Данные метафоры были традиционны и понятны европейскому читателю той эпохи. Во времена Римской империи орел считался атрибутом Юпитера, символом силы и света, а змея или дракон олицетворяла царство Аида, ужасное уродливое чудовище, несущее гибель и страдания человеку. Поединок же орла со змеей являлся предметом многочисленных изображений, начиная с мозаик и фресок и заканчивая монетами [Колпакова, 2010, с. 125–128]. В христианский период европейской истории Дракон как символ приобрел и еще одну характеристику — стал олицетворять Восток. Отталкиваясь от этого первичного посыла, С. Вольф развивает мысль о противостоянии Республики (имея в виду Речь Посполитую) и Тирании (обозначая этим определением Московское государство). Он высмеивает провозглашаемое Иваном Грозным собственное происхождение от Пруса, «брата римского цесаря Августа», и тем самым обосновывает царских претензий на Ливонию, «откуда тирана изгнали» (с. 6). Продолжая линию отождествления России с Востоком, Вольф доходит даже до Индии и называет Грозного «Гангским тигром» («*Gangetica tigris*») (с. 7). Что касается «московитов», то они в разных местах называются автором «псами» (с. 3), «варварами» (с. 4), «волками» (с. 8). Следуя основной задаче хвалебной «Элегической поэмы», С. Вольф прославляет своего покровителя Николая Фирлея, королевских приближенных Балтазара Батория (племянника Стефана), командующего венгерской пехотой Яна Борнемиссу и, конечно же, самого польского монарха, который удостоивается таких громких имен, как Александр Великий, Ромул, Аякс, Ганнибал. в целом, говоря об осаде Пскова, С. Вольф дает читателю ясный пропагандистский посыл к тому, что единственный путь к миру — полная победа над восточным тираном.

3.2. «Песнь на взятие Полоцка» Яна Кохановского

Знаменитый поэт польского Ренессанса Ян Кохановский (1530–1584) в своих произведениях, написанных как на латинском, так и на польском языках и рассчитанных, в отличие от поэмы С. Вольфа, не только на европейского, но и на польско-литовского читателя, обращался к образу Ивана Грозного множество раз. в его работах царь и московская держава описаны более подробно и разнопланово. Характеристики, данные Кохановским Грозному, были столь презрительны и в то же время насмешливы, что по этой причине издание наследия поэта в России носило выборочный характер, и внимание в основном обращалось на лирические и сатирические (политически более или менее нейтральные) произведения («Фрашки», поэмы «Шахматы» и «Сатир, или дикий человек») [Кохановский, 1960]. Так, например, из советского издания его избранных произведений была исключена «Песнь 13» второй книги «Песней» (текст ее полностью повторяет вышеназванную «Песнь на взятие Полоцка»), где автор прославляет победы Батория и принижает царя Ивана.

Для репрезентации образа Ивана Грозного в поэзии Я. Кохановского мы выбрали польскоязычную «Песнь на взятие Полоцка», произведя первый в отечественной историографии ее перевод на русский язык. Она представляет собой сжатый вариант изданной Кохановским в 1579 году латиноязычной и написанной для европейского читателя «Оды на взятие Полоцка», которая, по выражению польского исследователя Я. Недзьведзя, «является произведением официальным и текстом, представляющим власть» [Niedźwiedź, 2016, р. 392]. К тому времени поэт, некогда занимавший должность королевского секретаря при Сигизмунде Августе, уже в течение десяти лет проживал вдали от двора, в своем имении Чернолес, однако живо откликнулся на предложение канцлера и гетмана Яна Замойского, ближайшего сподвижника Батория, и продолжил свое участие в политической игре [Kowalczyk, 1984, pp. 262–281; Tygielski, 2007]. Написанная им зимой 1579–1580 годов «Ода» была основана по тогдашней моде на матрице одной из од Горация (14 ода IV книги), прославлявшей победы римского императора Октавиана Августа и его пасынков Тиберия и Друза [Głombiowska, 2010, р. 119]. Вполне понятно, что популярность произведений Кохановского среди европейских читателей была велика, а посему королю весьма нужна была именно его пропагандистская поддержка для дальнейшего

продолжения войны с Московским государством и сбора добровольцев из соседних стран под свои флаги [Филиюшкин, 2014, с. 5–10]. Спустя несколько месяцев после публикации латиноязычной «Оды», в том же 1580 году, поэт печатает в Варшаве ее польскую версию с посвящением Я. Замоискому, в виде «летучей газеты», под названием «Песнь на взятие Полоцка» [Kochanowski, 1580, pp. 2–3]. Судя по всему, автор планировал найти композитора, который переложил бы ее на музыку, подобно тому, как современник поэта Николай Гомулка сочинил мелодии на написанный Кохановским «Псалтырь Давида». Мы допускаем, что таковое переложение могло состояться, однако нотные записи утрачены или же до сего времени не обнаружены. Ярким, в то же время простым и легким языком автор рисует обстоятельства сдачи Полоцка. Приведем здесь полностью данную «Песнь» в нашем переводе.

Песнь на взятие Полоцка

Богу низко поклонимся,
Его милость вспоминая,
Бог надменных осаждает,
А покорных опекает.

Непокорный он и гордый,
Он тиран страны холодной,
Каковому, как мнит сам он,
Нету в целом свете равных.

Царь московский перед смелым
Польским королем бежал;
Пока не показались льды
Вставшей северной воды.

От границы он бежал,
Замки с городами сдал;
Здесь теперь поведать стоит,
О душе его и нем.

Коня резвого сдержи,
Лютый царь неуловимый!
Грозным звался, а бежишь;
Проиграл коль, покорись!

Время есть потолковать,
Кому шапку прежде снять,
Время есть теперь узнать,
Кому вперед с коня упасть.

Да поможет Бог единый
Королю польской страны!
Гордых можешь осаждать ты
И не дашь им рассуждать.

Ты с московского тирана
Маску чванства смело сбросил.
Оказалось, не кусает
И рогами лишь трясет.
Он надеялся на замки,
Но лишился быстро их;
Даже не дошло до боя;
Как бы голову сносить.

И тогда, где раньше был,
Полоцк в Польшу вновь вернулся,
Польского монарха счастьем
Стефана-короля успехом.

Ядер тучи, стены мощны,
Башен сила — все без толку;
В ход пошел уж меч железный,
Ты ж, король непобежденный,
Ты берешь не только замки
С крепостями в мощных стенах,
Но есть славнее в тебе,
Ты силен сам по себе.

И не дал ты волю гневу,
Оказал врагу ты милость,
Ты не только деловит,
Столь же ты и милосерден.

Будь же здрав, король могучий!
Не смолчат мои здесь рифмы,
Что тебя благодарят
Среди славных дел героев.

Обратимся к образу Ивана Грозного, нарисованному Я. Кохановским в этом произведении. в отличие от С. Вольфа, поэма которого наполнена античными символами, Кохановский оперирует более понятными польской шляхте христианскими нарративами. Уже в первой строфе слова «Бог надменных осаждает, А покорных опекает» являются своего рода перефразированием слов Евангелия от Луки (глава 1 стих 54): «Низложил сильных с престолов и вознёс смиренных». Далее следуют довольно традиционные для польской литературы стереотипные определения: «тиран страны холодной», «северный тиран» (Московское государство в то время считалось не только восточной, но и северной страной, ибо точкой отсчета ученых эпохи Ренессанса была Южная Европа, в частности Италия), «непокорный», «гордый», «чванливый», «лютый царь». Дабы высмеять «заносчивость» Грозного, Кохановский дополняет его образ трусостью: царь в страхе бежал от королевского войска до самого Ледовитого океана («Пока не показались льды Вставшей северной воды»). Таким образом, тиран грозен лишь на словах («Грозным звался, а бежишь»). Когда же король срывает с гордеца маску, оказывается, что тот «не кусает И рогами лишь трясет». При попытке уточнить, что в данном случае имел в виду Кохановский, сопоставляя текст «Песни» с латиноязычной «Одой на взятие Полоцка», выясняем, что поэт сравнивал царя с козлом. Как известно, символ козла в христианстве имеет глубоко негативный смысл: с одной стороны, козел бодлив и упрям, с другой — имеет демоническую сущность и выступает как ипостась нечистой силы, его облик может принимать сам сатана и различные демоны. Однако смелость короля лишает козла темной силы: он «рогами лишь трясет». Дабы усугубить нарисованные качества мелочного и трусливого тирана, Кохановский противопоставляет ему благородный дух Батория, который при сдаче Полоцка «не дал волю гневу» и «оказал врагу милость», таким образом, он силен не только своим королевским саном, но и «сам по себе» как личность. Судя по всему, поэт знаком был с письмами Грозного Баторию, где тот насмехался над его недостаточно высоким для государя происхождением, показывая, что не считал Стефана равным себе. Но победа Батория осадила Ивана: «Время есть потолковать, Кому шапку прежде снять»), то есть царь вынужден будет обнажить голову перед королем и признать его превосходство, несмотря на то, что последний был не наследственным, а выборным монархом.

Нам неизвестно, насколько широко разошлось данное произведение Я. Кохановского среди шляхты и насколько достигло своей пропагандистской цели (впрочем, и какое влияние оказала на умы европейского дворянства латиноязычная «Ода на взятие Полоцка»). Но совершенно точно можем определить, что оно пришлось по вкусу его покровителям: королю Стефану Баторию и гетману Яну Замойскому. В этом же году поэт удостоился должности войскового сандомирского и получил королевский привилей (жалованную грамоту) на запрет перепечатывать без ведома автора «Псалтырь Давида» (последняя награда столь улучшила положение Кохановского, что в последующем он даже стал заимодавцем для магната, люблинского кастеляна Андрея Фирлея) [Korolko, 1985, p. 219; Krzywy, 2013, p. 193].

4. Заключение

Усиление Московского государства в правление Ивана Грозного и выход его на европейскую арену политических и военных действий повлекло за собой появление нового способа борьбы с Россией — масштабной информационной войны. Образ Грозного в европейской пропаганде по сути ничем не отличался от проклятий, посылаемых ею в адрес турецкого султана, «главного врага христианства». В произведениях С. Вольфа и Я. Кохановского характер царя Ивана лишен всяких положительных черт, он должен напугать читателя и заставить его бояться и ненавидеть не только государя, но и весь подвластный ему народ, наделяемый эпитетами «псы» и «варвары». Однако при знакомстве с вышеназванными произведениями читателя не покидает ощущение гротеска, и этому есть причина. Как С. Вольф, так и Я. Кохановский писали свои стихи за материальное вознаграждение и по «политическому заказу», и, в сущности, достигли благодаря данной деятельности определенных карьерных высот и материального благополучия. На наш взгляд, они вряд ли задумывались над справедливостью своих слов в отношении Грозного. Тот же Я. Кохановский, в свое время восторженно принявший короля Генриха Валуа, позже в угоду новому королю Стефану Баторию написал о нем обличительный стих «Ответ французу или кукарекающему петуху». Иван Грозный, однако, не предпринимал никаких шагов к тому, чтобы «перекупить» и склонить на свою сторону подобных пропагандистов, и это сыграло немалую роль в поражении, которое потерпел царь от своих европейских оппонентов.

Источники

1. *Кохановский Я.* Избранные произведения. Л.: Издательство АН СССР, 1960. 370 с.
2. *Klonowicz S. F.* Roxolania. Warszawa: IBL: Pro cultura literaria, 1996. 167 p.
3. *Kochanowski J.* O wzięciu Połocka. O statecznym słudze R. P. O uczciwej Małżonce. Warszawa: [b. i.], 1580. Pp. 2–3.
4. *Kochanowski J.* Jezda do Moskwy. Kraków: [b. i.], 1583. 8 p.
5. *Wolfio S.* Samuele. Stephani primi serenissimi Poloniae regis et Magni Lithuanorum ducis etc. aduersus Iohannem Basilidem, magnum Moschouiae ducem expeditio carmine elegiaco descripta. 1582. 58 p.

Литература

1. *Колпакова Г. С.* Искусство Византии. Ранний и Средний Периоды. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 125–128. ISBN 5-352-00485-6.
2. *Филюшкин А. И.* Завоевание Стефаном Баторием Полоцка в 1579 г. в европейском нарративе // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Серия 2. Выпуск 1. С. 5–10.
3. *Флоря Б. Н.* Иван Грозный — кандидат польской шляхты // Славяноведение. 2020. № 4. С. 3–13. DOI: 10.31857/S0869544X0010409-2.
4. *Эйльбарт Н. В.* Кандидатура Ивана Грозного на трон Речи Посполитой в польских политических памфлетах времен первой «вольной элекции» (1572–1574) // Genesis: исторические исследования. 2020. № 3. С. 93–103. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.3.32474.
5. *Эйльбарт Н. В.* Царь Иван Грозный в польско-немецкой пропаганде времен псковского похода Стефана Батория (по материалам «Акростиха» Валентина Неотебеля) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22. Выпуск 1. С. 383–391.
6. *Głombiowska Z.* Łacińska oda Jana Kochanowskiego o zdobyciu Połocka. Tekst i komentarz // Studia Classica et Neolatina. 2010. Т. 9. Р. 119.
7. *Kincel R.* Śląski piewca czynów Stefana Batorego // Poglądy. R. 14. 1975. № 19. Pp. 18–20.
8. *Korolko M.* Jana Kochanowskiego żywot i sprawy. Materiały, komentarze, przypuszczenia. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1985. Р. 219.
9. *Kowalczyk J.* Jan Kochanowski i Jan Zamoyski // Jan Kochanowski i epoka Renesansu. W 450 rocznicę urodzin poety 1530–1980. Warszawa: Państwowe Wydawn. Nauk., 1984. Pp. 262–281.
10. *Krzywy R.* “Chcesz być groźnym, a uciekasz...”: Nad komentarzem do epinikionów moskiewskich Jana Kochanowskiego // Pamiętnik Literacki. 2013. № 3. Р. 193.

11. *Niedźwiedź J.* Źródła, konteksty i okoliczności powstania Ody o zdobyciu Połocka Jana Kochanowskiego // *Terminus*. 2016. T. 18. № 4. P. 392.

12. *Niedzielski K.* Batory i car Iwan w zapasach o Inflanty (1579–1581): karta z dziejów ojczystych. Warszawa: Druk Synów St. Niemiry, 1916. P. 40.

13. *Tondel J.* Krag przyjaciół Samuela Wolfa, rektora szkoły Kalwińskiej w Lewartowie // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. 1985. T. XXX. Pp. 183–190.

14. *Tworek S.* Szkolnictwo kalwińskie w Małopolsce i jego związki z innymi ośrodkami w kraju i za granicą w XVI–XVII w. Lublin: [b. i.], 1966. Pp. 172–173.

15. *Tygielski W.* Listy, ludzie, władza. Patronat Jana Zamoyskiego w świetle korespondencji. Warszawa: [b. i.], 2007. 511 p.

